Чусова Нина 15.08.03

Чусова, которой везет

Режиссеру иногда полезно полежать на диване. Но если есть работа, надо работать

Независимая – 2003 – 15 авг. – с. 7

Григорий Заславский

В минувшем сезоне в Москве появились сразу две «Двенадцатые ночи», два спектакля, в которых все женские роли, как во времена шекспировского «Глобуса», играют мужчины. Один поставлен Ниной Чусовой, в нем русские актеры играют по-английски, другой – англичанином Декланом Доннелланом, в нем русские же актеры играют по-русски. Нина Чусова поставила в прошлом сезоне «Мамупапусынасобаку» в «Современнике», «Имаго» – в антрепризном проекте Павла Каплевича и «Вия» на малой сцене Театра имени Пушкина. Самый продуктивный постановщик, она заставила говорить о себе еще и как о самом успешном среди молодых режиссеров.

Модная фаталистка Чусова.

Фото Александра Шалгина (НГ-фото)

– Нина, все знают, что во времена Шекспира все роли в театре играли мужчины. Но должна была, наверное, появиться какая-то цель – помимо желания сделать все, как у Шекспира...

– В этом нет никакого новаторства. В шекспировские комедии всегда стараются много философии нагрузить, но они несмешные! А прежде всего должно быть смешно, увлекательно. Когда мы попробовали, чтобы все роли исполняли мужчины, то и получилась настоящая игра. Актеры просто играли в женщин. Как если бы ребенку сказали, ты – бабочка или слоник, а вы вот – Мария, камеристка или еще кто-то. Нам, может быть, помогло еще то, что актеры играют на английском языке. Для ребят это было еще одним испытанием, потому что никто не говорил по-английски. Но почему бы в придуманной стране Иллирии не говорить на этом языке? Мы просто создали такой небытовой мир – все как будто в раю происходит, где-то на небесах.

– Ваш новый проект, насколько я знаю, музыкальный, в основе – чеховский "Медведь"...

– Мы называем меня художественным руководителем нашего театра, но пока это все только в зачатке. Неизвестно, во что все выльется. У нас нет такого, что мы будем дальше, несмотря на все невзгоды, работать на английском языке. Идея была и остается – вообще совместить все языки. Так, чтобы в итоге играли актеры не только из России, но и из других стран. Ведь актер – он и в Африке актер. Чем глобальней обмен, тем интереснее.

– То есть в какой-то момент вы дойдете до китайского языка?

– С удовольствием! В «Вие», кстати, есть у меня маленький кусочек на украинском. Мне кажется, эксперимент с языками очень интересен. Кто-то не понимает половины по-английски, а ему все равно смешно. Я убеждена, что может быть смешно при том, что текст остается непонятным. Так было в Греции, когда я работала над спектаклем "Шинель". Я не разговариваю по-гречески. Но находится какой-то средний язык, когда мы можем общаться на каком-то другом уровне.

– По «Вию» вы сделали собственную инсценировку, хотя имеются готовые инсценировки и даже пьеса. Почему?

– У меня с Гоголем сложились определенные отношения. "Шинель" – это была моя инсценировка. Мне кажется, очень важно с ним быть тет-а-тет. Любое произведение – это лишь повод для домысливания, что там на самом деле происходило. Гоголь же очень хитрый. Он просто пересказал легенду про Вия. Сам ничего не добавил, никаких размышлений по этому поводу не оставил. Все то, что было, – сплетня. Как хочешь, так и расценивай. У меня свой взгляд, своя сплетня. Там все как будто бы под текстом находится. Что происходило в эти три ночи, не знает никто. Вот гроб летал, но это лишь воображение народа, грубо говоря. Мы же любим триллеры.

– У вас гроб не летает. В филиале Театра имени Пушкина ему и развернуться негде было...

– Это стереотип, и борьба со стереотипом может быть бесконечной. Страх не обязательно может возникнуть из-за каких-то физических действий. Того же самого можно достичь и другим способом. Для меня было интересно совместить смешное и страшное. В спектакле все происходит на фоне бесконечных смертей – все время идут похороны. Можно ли веселиться на этом фоне? Оказывается, можно. В любой ситуации есть юмор, в самой трагичной, в самой ужасной. Стоит лишь поменять точку зрения, и все превращается в абсурд, в смешное. При совмещении смешного и страшного оказывается, что страшное – это когда все очень по-настоящему происходит, а не тогда, когда пугают людей. Страшное – внутри каждого коренится, оно – в психологии. Мне хотелось, чтобы вообще не было страшно, чтобы мурашки были от чего-то другого. Оттого, что запутались мы все между реальностью и нереальностью, что потеряли себя. Запутались в том, что есть зло, а что добро, чему верить надо – непонятно. Для меня "Вий" – это взгляд внутрь человеческого организма, это сам человек, где внутри что-то не налажено.

– А бывает, что хочется сделать спектакль, а условия не позволяют?

– Так не бывает. Мне когда хочется, почему-то сразу возникает предложение. Наверное, есть какое-то чудо. Честно вам говорю, мне везет.

– Не боитесь об этом говорить?

– А что в этом такого. Это так объективно. У нас привыкли, что о печалях надо говорить, а если все хорошо, надо молчать, чтобы не сглазить. Мне кажется, если бы все люди говорили о хорошем, все вообще бы поменялось, мы бы искали хорошее, а не плохое во всем. А нам всегда хочется найти какой-то компромат. У нас в "Вие" есть такая сцена, когда мальчики играют и Панночку, и Микитку. И вот пишут: "Эта пьеса не про голубых". Зачем?

– Должен ли режиссер вообще отдыхать? Или если пошла такая вот струя удачная, нужно и должно работать без отдыха?

– Конечно, нужно отдыхать. Когда что-то сделаешь, очень важно полежать на диване и ничего не делать. В это время происходит очистка, так как, когда бесконечно трудишься, все засоряется – нервы и так далее. Но мне кажется, что это не страшно, когда очень много работы, потому что она все время новая. ■